

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-737-755

Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения*

С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина

Алтайский государственный университет
Просп. Ленина, 61, Барнаул, Россия, 656049
(e-mail: svet-maximova@yandex.ru; daria.omelchenko@mail.ru;
noe@list.ru)

Смена миграционных паттернов и структуры международной миграции в России, ее переориентация на транзитные формы, подстраивающиеся под изменения рынка труда и местные условия, в совокупности с серьезными экономическими и демографическими потерями, привели к необходимости корректировки миграционной политики. Политика, ориентированная только на мигрантов, без учета мнений принимающего населения, не способна обеспечить баланс интересов и стабильность в регионе, а также обретение выгод, которые способна дать международная миграция. Именно от принимающего населения во многом зависит то, каких аккультурационных стратегий будут придерживаться мигранты, насколько успешно будет проходить их адаптация и интеграция. По материалам социологического исследования, проведенного в приграничных регионах России в 2018 году, авторы обосновывают наличие общего фактора оценки, предопределяющего установки населения, представляют структурную модель их детерминации, включающую характеристики регионального социума, социоструктурные и идентификационные факторы. Жители приграничных регионов уверены в отсутствии позитивного влияния международной миграции на российскую экономику и ее способности компенсировать демографические потери, недооценивают риски дискриминации и социальной эксклюзии трудовых мигрантов. Практически во всех обследованных регионах на общее восприятие миграции влияют диаспоральные идентичности и результаты субъективного сравнения региона с «остальной Россией». Ощущение личной безопасности, оценка материального положения, миграционный опыт и культурные факторы важны для объяснения оценок по отдельным индикаторам и регионам. Исследование подчеркивает значение борьбы с этническими предрассудками и мигрантофобией и позитивного общественного мнения для эффективности миграционной политики, соответствующей национальным интересам в вопросах привлечения иностранного человеческого и культурного капитала.

Ключевые слова: международная миграция; транзитная миграция; установки населения; миграционная ситуация; приграничные регионы; моделирование; конфирматорный факторный анализ

Россия остается одним из флагманов международной миграции, занимая четвертое место в мире (после США, Саудовской Аравии и Германии) по количеству мигрантов на ее территории: по данным ООН за 2017 год, их было более 11,6 млн

* © Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., 2019.

Статья поступила 13.03.2019 г. Статья принята к публикации 28.06.2019 г.

(в США — 50 млн, в Саудовской Аравии и Германии — по 12 млн)? или около 8% ее населения, что в 2,3 раза выше общемирового уровня [24]. Полученные в России доходы поддерживают не только отдельные домохозяйства, но и целые государства, составляя значительную долю в структуре ВВП стран СНГ — лидирующих поставщиков рабочей силы в Россию: только в 2017 году личные отчисления трудовых мигрантов из России превысили 20,6 млрд долларов, доля доходов трудовых мигрантов, в том числе работающих в России, обеспечила 35,1% ВВП Киргизии, 32,2% — Таджикистана, 20,5% — Молдовы, 15,5% — Армении [40]. Зависимость российской экономики и особенно демографии от результатов международной миграции велика. Миграционный прирост более чем наполовину позволяет компенсировать естественную убыль населения, растет доля иностранных работников в общей численности занятого населения (с 0,3% в 1999—2000 годах до 2,4% в 2018 году), увеличивается количество получающих российское гражданство иностранцев (только в 2018 году — 239,3 тыс.) и смешанных браков, растет приток высококвалифицированных мигрантов, что позволяет увеличивать бюджетные поступления [3; 5; 7—9]. Несмотря на характерное для последних лет снижение привлекательности российского рынка труда, приводящее к сокращению миграционных потоков из постсоветских стран и их переориентации на другие рынки [2], международные мигранты по-прежнему тесно вплетены в экономические, социально-правовые и культурные отношения, а миграционная ситуация не сходит с политической повестки дня.

Хотя влияние международной миграции дифференцировано — более всего оно ощущается в Центральном федеральном округе, где миграционный прирост максимален, все российские регионы в той или иной степени задействованы в международном миграционном обмене [9]. При этом очевидные для демографов и экономистов положительные эффекты международной миграции далеко не так очевидны для принимающего населения. Присутствие значительного количества мигрантов на территории России, разнообразие их жизненных траекторий и планов создают проблемы адаптации населения к новым миграционным условиям, увеличивают риск поляризации общества, его разделения на «своих» и «иных» [4], что обуславливает необходимость изучения восприятия трудовых мигрантов принимающим населением.

В зарубежных исследованиях последних лет проблемы взаимодействия принимающего населения с новыми, пусть и временными, членами общества, часто описываются через факторы, определяющие вариабельность реакций старожильческих групп на растущее культурное, этническое и конфессиональное разнообразие: угроза потери национальной идентичности [27], издержки и рост конкуренции за ресурсы [19], оценка необходимости и идентификационных характеристик мигрантов, их восприятие в качестве членов общества или обособленной группы [18; 21], националистические взгляды и идеология [32]. Прослеживается четкое понимание того, что аккультурация — это двусторонний процесс, и от принимающего населения зависит, какие аккультурационные и, в перспективе, интеграционные стратегии будут разделять мигранты [38].

Важное значение для понимания роли представлений и установок населения в отношении миграции и мигрантов имеют несколько теоретических моделей. Одной из ранних теоретических конструкций, исследующих отношения между мигрантами и принимающим населением, является гипотеза контакта (Contact Hypothesis). Согласно данной гипотезе, негативные установки и предубеждения у обеих сторон вызваны, прежде всего, недостатком знаний и опыта сотрудничества, а их преодоление возможно благодаря совместным действиям, поощряемым властями. Критический анализ возможностей и ограничений гипотезы контакта можно найти в многочисленных работах [11; 38], в том числе в России [1]. Гипотеза воспринимаемого сходства (Similarity-Attraction Hypothesis [13]) позволяет взглянуть на проблемы отношения населения к мигрантам как на результат идентификации. Она объясняет, почему люди стремятся жить в сообществах, члены которых имеют сходные расовые и этнические характеристики, образ жизни, политические и религиозные взгляды и, напротив, уезжают, если местные жители вызывают экзистенциальную тревогу своим внешним видом, обычаями и идеологией [17; 31].

Одной из наиболее влиятельных и авторитетных является интегративная теория угроз (Integrated Threat Theory, ИТТ) [34], вобравшая в себя положения когнитивных теорий, теорий социального сравнения и конфликта. В первоначальном варианте теории ее авторы (В. и К. Штефан) утверждали, что существует четыре типа угроз, выраженность которых способствует распространению предубеждений, расизма и этнической дискриминации: реалистические угрозы — воспринимаемые как объективные и реальные угрозы благополучию группы или ее членов; символические угрозы — связанные с ценностями, убеждениями и верованиями; внутригрупповая тревога — результат негативной оценки, страха потери самоуважения и негативных стереотипов. В 2002 году В. Стефан и К. Ренфро [35] предложили обновленную версию теории, в которой количество угроз было сокращено до двух (реальные и символические), а внутригрупповая тревога и негативные стереотипы обозначены в качестве факторов, способствующих их усилению. Эта теория широко применяется в миграционных исследованиях для объяснения негативных установок населения, особенно в сочетании с другими моделями. Например, в рамках инструментальной модели группового конфликта взаимоотношения между принимающим населением и мигрантами описываются в терминах межгрупповой конкуренции вследствие ограниченности ресурсов, неравного доступа к ним и социальной иерархии, поддерживающей неравенство [20]. Исследования в США, Канаде и Новой Зеландии [20; 39] подтвердили практическую значимость этой модели в объяснении реакции принимающего населения на интенсификацию миграционных процессов.

Между тем акцент только на отрицательных аспектах взаимодействия мигрантов и местного населения не соответствует реальным отношениям между ними, которые вполне могут восприниматься как положительные и взаимовыгодные. В этой связи представляют интерес появившиеся в последние годы теоретические модели, способные выявлять как негативные, так и позитивные установки насе-

ления [10; 37]. Например, проводя исследование среди социальных работников в Израиле, Е. Тартаковский и С. Уолш [36], основываясь на теории гуманистических ценностей и расширенной интегральной теории угроз, предположили, что население воспринимает миграцию как благоприятное явление и одновременно как угрожающее для принимающего общества. Концептуализация результатов исследования в виде четырех типов угроз (экономических, физических, социальной сплоченности и современности) и четырех типов преимуществ (экономических, физических, гуманитарных и культурного разнообразия) позволила авторам доказать их опосредующее воздействие на взаимосвязи между предпочтением социальных ценностей и поддержкой миграционной политики, направленной на защиту прав мигрантов либо принимающего общества.

Перечисленные модели не являются всеобъемлющими, они имеют определенные ограничения. Понятия «культуры» и «идентичности», присущие большинству исследований миграции, могут быть отнесены к значительному количеству артефактов, групп и институтов, требуют теоретического и методического уточнения и дополнения другими концептами. Научные представления о миграции стремительно меняются под влиянием глобализации и технологического прогресса, расширяющих возможности для осуществления миграционных намерений, развития транзитной (по сути, непрекращающейся) миграции и поддержания транснациональных контактов. Проведенное социологическое исследование, с одной стороны, позволило применить вышеописанные теории и концепции для описания особенностей миграционной ситуации в регионах российского приграничья, отличающихся географическим положением, этнокультурным составом, степенью влияния международной миграции на демографические, экономические и социальные показатели регионального развития, с другой стороны — предоставило данные для построения эмпирических моделей, учитывающих специфическую миграционную ситуацию, особенности реализации миграционной политики и установки населения.

Исследование было проведено в 2018 году в семи приграничных регионах России: Алтайском крае, Оренбургской, Мурманской, Псковской, Ростовской областях, Республике Алтай и Республике Дагестан. Выбор регионов базировался на типологии регионов России, учитывающей особенности географического положения, динамические характеристики миграционных процессов, социально-экономические и демографические показатели [6]. Выборочная совокупность формировалась на основе пропорционального (квотного) метода в сочетании с маршрутными технологиями отбора респондентов и репрезентировала половозрастную и поселенческую структуру региона ($N = 3770$). Наибольшие межрегиональные различия наблюдались по типу населенного пункта — в Мурманской и Псковской областях доля опрошенных в городах составила 90% — и этноконфессиональной принадлежности — в национальных республиках была опрошена наименьшая доля русского населения и наибольшая доля населения, исповедующего отличные от христианства религии (табл. 1).

Основные демографические и социокультурные характеристики опрошенных в регионах исследования, %

Показатель		Алтайский край	Оренбургская область	Мурманская область	Псковская область	Республика Алтай	Республика Дагестан	Ростовская область
Тип населенного пункта	Городские поселения	64,3	69	90	90	27,4	59,7	68,9
	Сельские поселения	35,7	31	10	10	72,6	40,3	31,1
Пол	Мужчины	49,4	47,1	46,9	44,6	48,3	46,1	51,4
	Женщины	50,6	52,9	53,1	55,4	51,7	53,9	48,6
Возраст	До 29 лет	31,7	19	28,6	27	33,1	43,8	22,8
	30—49 лет	38,7	46,6	39,8	37,2	38	36,9	46
	50 лет и старше	29,6	34,4	31,6	35,8	28,9	19,2	31,2
Образование	Начальное профессиональное или менее	20	12	17	27,7	19,6	27,4	24,6
	Среднее профессиональное (техникум, колледж) или неполное высшее	40,2	46,4	37,4	36,9	41,7	36,4	42,1
	Высшее профессиональное, ученая степень	39,7	41,6	45,5	35,3	38,7	36,2	33,3
Национальность	Русские	76,8	78,8	69,1	76	19,6	3,5	74,6
	Другие национальности	23,2	21,2	30,9	24	80,4	96,5	25,4
Религиозная принадлежность	Православие и другие христианские течения	35,3	73,8	72,5	84,1	26,7	3,5	88,5
	Ислам	13,7	13,3	4,9	4,4	6,5	90,7	5,1
	Буддизм, иудаизм	16,8	0	1,2	0	3,6	1,4	0,5
	Верю в Высшие силы		5,2	11	5,9		3,3	3,2
	Исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы	4,9				50,5		
	Затрудняюсь ответить, не могу сказать точно	20,6	7,7	8,5	2,4	9,8	0,8	2,1

Представления, мнения и оценки населения о международной миграции оценивались с помощью процедуры многомерного шкалирования: респонденты отмечали степень своего согласия с 12 утверждениями, в совокупности представляющих континуум, один полюс которого характеризовался положительным восприятием международной миграции, а другой — отрицательным, предвзятым отношением к мигрантам и миграции. Для удобства интерпретации оценки были сгруппированы в категории «низких» (1—3 баллов), «средних» (4—7) и «высоких» (8—10). На начальном этапе обработки данных был проведен первичный описательный анализ результатов с опорой на статистические показатели. Далее с помощью факторного анализа была проанализирована структура взаимосвязей между показателями. Полученные факторы легли в основу комплексной статистической модели установок населения по отношению к международной миграции.

Общая характеристика оценок населения

Согласно полученным данным, в структуре общественного мнения о международной миграции преобладают характеристики, ассоциирующие ее исключительно с трудовой миграцией и стереотипными представлениями о характере взаимоотношений мигрантов и работодателей: с тем, что «мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители», «мигранты создают конкуренцию на рынке труда и „отнимают“ работу у местных жителей» согласились более 40%. Одновременно значительная часть населения (42,9%, в том числе от 44% до 54% в группах, поставивших высокие баллы по предыдущим показателям) придерживается позиции, что мигранты — это такие же люди, как и коренные жители. Таким образом, для большинства жителей приграничных регионов международная миграция находит воплощение прежде всего в трудовой сфере, связана с привычными социальными практиками и взаимоотношениями между приезжими и местными на рынке труда. При этом демпинговые стратегии трудовых мигрантов являлись скорее обычным фактом, чем поводом для борьбы за «отнятые» рабочие места.

Исследование подтвердило распространенность среди населения негативных стереотипов и предубеждений: от 30% до 40% выразили высокую степень согласия с тем, что миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки, ухудшает межнациональные отношения, приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни. Серьезную обеспокоенность вызвали дискутируемые в СМИ предположения, что мигранты являются разносчиками инфекций и заболеваний: 31,3% поставили высокие баллы по соответствующим показателям, в том числе 15% — максимальный балл. Одновременно население практически не разделяет очевидные для научного сообщества и политических элит убеждения, что миграция позволяет восполнить дефицит квалифицированных специалистов и улучшить демографическую ситуацию: только 9,7% дали высокие оценки по первому и 16,1% по второму показателю. Сомнительным в глазах большинства (только 14,1% оценок выше 7 баллов) является и потенциал миграции для повышения культурного разнообразия, открытости России новым идеям и культурам.

Опасной по своим последствиям и свидетельствующей о наличии «дремлющих» конфликтов стала тенденция сочетания предвзятого отношения к мигрантам как к заведомо ненужным и опасным «чужакам» с отрицанием негативных последствий их стигматизации: незначительная часть опрошенных (11,6% высоких оценок) согласилась с тем, что мигранты являются объектом дискриминации и могут быть ущемлены в правах.

В конечном итоге с утверждением, что миграция в целом полезна для развития экономики, согласились только 15,8%, 54,3% поставили средние оценки и 30% — низкие, среднее значение составило 4,85 балла (табл. 2). В сознании населения приграничных регионов международная миграция не является проблемой, заслуживающей серьезного внимания, у большинства отсутствует четкая позиция и рефлексия о ее социальных, экономических или культурных последствиях. Как положительные аспекты, так и угрозы миграции выделялись только отдельными категориями респондентов.

Общие оценки международной миграции по регионам

Показатель	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Низкие значения (1—3 балла), %	Средние (4—7), %	Высокие (8—10), %
Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители	6,76	7	10	2,63	12,9	41,3	45,8
Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним	6,65	7	10	2,65	12,8	44,3	42,9
Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей	6,39	7	10	2,73	16,9	43,4	39,8
Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки	6,09	6	5	2,66	17,7	48,5	33,9
Миграция формирует негативные стереотипы о представителях других национальностей	6,07	6	5	2,66	18,1	49,2	32,7
Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции, способствуют повышению заболеваемости	5,82	6	10	2,85	24	44,6	31,3
Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни	5,84	6	5	2,74	20,5	49,3	30,2
Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране	4,68	5	5	2,61	35,4	48,5	16,1
Миграция — это в целом хорошо для развития экономики	4,85	5	5	2,46	30,0	54,3	15,8
Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие	4,75	5	5	2,48	33,4	52,5	14,1
Мигранты являются изгоями общества, ограничены в правах и свободах, испытывают дискриминацию	4,29	4	1	2,50	41,1	47,3	11,6
Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов	4,07	4	1	2,43	44	46,3	9,7

**Модель детерминации восприятия угроз
и возможностей международной миграции
населением приграничных регионов России**

Следующий этап исследования состоял в построении комплексной математико-статистической модели для обоснования влияния значимых факторов — как общих, релевантных для зоны приграничья, так и специфических — на восприятие рисков и угроз, выгод и возможностей международной миграции. Был выбран один из наиболее востребованных в анализе данных метод, сочетающий возможности факторного, регрессионного и путевого анализа — метод моделирования структурными уравнениями (SEM) [12; 26]. В процессе разработки инструментария предполагалось, что используемые для измерения оценок населения шкалы в соответствии с threat-benefit подходом целесообразно разделить на две большие

группы. Однако предварительный анализ на объединенном массиве данных (использовался метод главных осей и вращение Varimax) показал, что исходные данные описываются не двумя, а как минимум тремя факторами, объясняющими в совокупности около 40% дисперсии.

В первый фактор с максимальной нагрузкой (больше 0,4) вошли переменные V28_3 (Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей), V28_9 (Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки), V28_10 (Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни), V28_11 (Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции, способствуют повышению заболеваемости), V28_12 (Миграция формирует у людей негативные стереотипы о представителях других национальностей). Таким образом, первый фактор описывал наиболее значимые и актуализированные страхи и опасения, связанные с последствиями неконтролируемой миграции, незащищенности местного населения перед лицом новой миграционной реальности. Условно говоря, это был фактор угроз международной миграции (Threats). Во второй фактор с положительной нагрузкой вошли четыре переменные: V28_1 (Миграция — это, в целом, хорошо для развития экономики), V28_2 (Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие), V28_7 (Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране), V28_8 (Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов). Это фактор положительного восприятия миграции, который можно назвать фактором возможных выгод и позитивного потенциала международной миграции (Benefits). Третий фактор был представлен двумя переменными — V28_5 (Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним), V28_6 (Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители). Эти две переменные в наибольшей степени соответствовали реальному отношению к трудовым мигрантам, которые, с одной стороны, вытесняли местных на рынке труда, успешно конкурируя с ними и создавая собственные трудовые ниши, с другой — вызывали жалость, поскольку эта конкуренция достигалась путем согласия на менее выгодные и более тяжелые условия. Поскольку фактор объяснял всего 4% дисперсии и являлся, по сути, второстепенным, он был исключен из анализа (табл. 3).

Далее на региональных выборках был проведен анализ внутренней согласованности основных факторов (использовались коэффициенты α Кронбаха и множественной корреляции — SMC, R^2). Его результаты показали, что в большинстве регионов в первом факторе переменная V28_3 (мигранты создают конкуренцию на рынке труда и отнимают работу у местных жителей), а во втором факторе переменные V28_7 (мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию) и V28_8 (миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов) имели наименьшие коэффициенты множественной корреляции с другими переменными, т.е. фактор, в который они входили, практически не объяснял их дисперсию. Кроме того, при их удалении из шкалы происходило существенное улучшение общего показателя α Кронбаха. Эти переменные также были исключены как недостаточно надежные.

Результаты факторного анализа после Varimax-вращения

Код вопроса в анкете	Показатель	Ф1	Ф2	Ф3
V28_1	Миграция — это, в целом, хорошо для развития экономики	-0,21	0,70	0,16
V28_2	Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие	-0,20	0,72	0,18
V28_3	Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей	0,42	-0,06	0,14
V28_4	Мигранты являются изгоями общества, ограничены в правах и свободах, испытывают дискриминацию	0,25	0,29	-0,12
V28_5	Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним	-0,22	0,201	0,59
V28_6	Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители	0,12	0,11	0,43
V28_7	Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране	-0,1	0,56	0,23
V28_8	Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов	-0,02	0,55	0,06
V28_9	Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки	0,69	-0,13	-0,02
V28_10	Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни	0,73	-0,09	-0,05
V28_11	Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции. Способствуют повышению заболеваемости	0,72	-0,14	-0,09
V28_12	Миграция формирует у людей негативные стереотипы о представителях других национальностей	0,70	-0,02	-0,09

Затем для каждого региона были рассчитаны параллельные модели, в которых без ограничений оценивались все нагрузки и пороговые значения, что позволило оценить схожесть оценок параметров. Судя по значениям критериев согласия [23. С. 53—55], теоретическая модель хорошо соответствовала исходным данным, кроме Республики Дагестан, и после его исключения была проведена проверка измерительной инвариантности общих латентных факторов. В научной литературе по мультигрупповому конфирматорному факторному анализу (МКФА) [16; 29; 30; 33] отмечается, что для проверки факторной инвариантности требуется несколько этапов — последовательный расчет конфигуальной, слабой, сильной и полной инвариантностей. Сегодня имеется достаточное количество автоматизированных алгоритмов, мы выбрали функцию `measurementInvarianceCat`, встроенную в пакет `semTools` для среды R [25]. Результаты сравнения индексов нашей модели показали, что достигнута только сильная (скалярная) инвариантность, строгая инвариантность не была доказана. Ориентируясь на рекомендации К. Сюй [42], мы посчитали данные результаты приемлемыми для дальнейшего сравнения средних значений выраженности латентных конструкторов.

Сравнение средних значений латентных факторов в группах (среднее значение для Алтайского края являлось референтным и было приравнено к нулю) показал, что регионы отличались, главным образом, оценками негативных последствий миграции, которые в Оренбургской и Псковской областях население воспринимало как менее выраженные, а в Ростовской области, напротив, как более существенные.

Поскольку оба основных фактора отражали представления о миграции, в структурную модель были заложены гипотезы о наличии общего фактора оценки международной миграции (*General*), определяемого восприятием угроз (*Threats*) и положительных возможностей (*Benefits*). Кроме самих факторов, в модель были включены гипотезы об их наиболее значимых детерминантах, а также о влиянии общего фактора на поддержку политических стратегий в отношении нелегальных мигрантов. Концептуальная модель, лежащая в основе эмпирически проверяемой модели, основывалась на предположениях, что установки населения по отношению к международной миграции зависят от характеристик институциональной среды и состояния регионального социума (измеряемых на основе субъективных оценок социально-экономического положения региона и личной безопасности), социоструктурных характеристик респондента (уровня образования и материального положения), личного миграционного опыта и наличия социальных контактов с мигрантами, включенности в диаспоральные группы.

Зависимая переменная, отражающая стратегии миграционной политики, измерялась на основе вопроса «Что, на Ваш взгляд, следует делать с нелегальными мигрантами из стран СНГ?» и представляла собой шкалу с полярными вариантами ответа: «легализовать, помогать получить работу и ассимилироваться в России» (либеральная стратегия, направленная на привлечение как можно большего количества мигрантов и их интеграцию в российское общество) и «выдворять их за пределы России» (ограничительная стратегия, направленная на жесткий контроль миграционных потоков). Хотя в целом по выборке 45,2% высказались за применение «мягкой» и 54,8% — «жесткой» стратегий, в отдельных регионах ситуация была иной: так, в Алтайском крае и Республике Алтай практически всеми опрошенными разделялась рестриктивная (73—75% ответов), а в Мурманской области — либеральная (54,1%) стратегия. В других регионах распределение ответов было близко к равномерному (табл. 4).

Проверка значимости выявленных ассоциаций в отдельных регионах показала, что в целом гипотетическая модель хорошо воспроизводит эмпирические отношения между переменными. Во всех регионах подтвердилось наличие общего фактора, однако его направленность была различной: в Алтайском крае и Псковской области нагрузки фактора возможностей были положительными, а фактора угроз — отрицательными (рис. 1 и 4), в других регионах положительные нагрузки были у фактора угроз, что придавало обратный смысл его содержанию и определяло характер его взаимосвязей с независимыми переменными (рис. 2, 3, 5 и 7). По результатам структурного моделирования во всех регионах наиболее значимым предиктором установок населения по отношению к международной миграции стало личное отношение к мигрантам, которое либо способствовало позитивной оценке влияния международной миграции на экономику и социокультурную сферу, либо, если отношение было с признаками мигрантофобии, приводило к более пессимистическому восприятию ее негативных последствий. В большей степени эффект данного фактора проявился в Оренбургской и Мурманской областях, в меньшей степени — в Псковской области.

Гипотезы, тестируемые в структурной модели

Гипотеза	Зависимая переменная	Предиктор	Связь на диаграмме	Вопрос анкеты / категории респондентов	
H1_1	Общий фактор оценки международной миграции	Принадлежность к диаспоральным группам	General ← Diasp	Сравнивались две группы: этнические русские и другие народы, не имеющие своей государственности за пределами России (код — 0) и представители этнических диаспор, прежде всего титульных народов СНГ (код — 1)	
H1_2		Сравнительная оценка социально-экономического развития региона	General ← RegSit	«Регион, в котором Вы живете, по сравнению с другими регионами России...?» («Бедный, депрессивный, слаборазвитый» (1), «Скорее неблагоприятный, слаборазвитый» (2), «Скорее благополучный, развитый» (3), «Социально и экономически благополучный, развитый» (4)	
H1_3		Личное отношение к мигрантам	General ← MigrAtt	«Как лично Вы относитесь к мигрантам в вашем регионе?» («Резко негативно», «Скорее отрицательно, чем положительно», «Скорее положительно, чем отрицательно», «Положительно»)	
H1_4		Субъективная оценка безопасности	General ← Safety	«Насколько Вы в целом ощущаете себя в безопасности?» («Полностью ощущаю», «Скорее ощущаю», «Не очень ощущаю», «Совсем не ощущаю»)	
H1_5		Самооценка материального положения	General ← Income	«Определите уровень Вашего материального достатка, отнеся к себе одну из следующих категорий» (1 балл означал «Живу очень бедно, фактически голодаю, денег иногда не хватает даже на питание, имевшиеся ранее накопления кончились», 5 баллов — «Очень хорошо, богато (не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают)»)	
H1_6		Уровень образования	General ← Educ	Сравнивались респонденты, имеющие одно или несколько высших образований, ученые степени (1) и респонденты с более низкими образовательными уровнями (0)	
H1_7			Опыт взаимодействия с международными мигрантами, в частности с мигрантами из стран СНГ	General ← Migr_cont	«Привлекали ли Вы на работу в домашнем хозяйстве в течение последних ТРЕХ лет граждан, прибывших из стран СНГ?» (Привлекали — 1, не привлекали — 0)
H1_8			Миграционные намерения	General ← MigrInt	«Хотели бы Вы сменить место жительства?». Две категории респондентов — те, кто не хочет никуда уезжать (0) и все остальные (1)
H2_1	Стратегии миграционной политики	Общий фактор восприятия международной миграции	MigrIII ← General	Латентный фактор второго порядка, измеряемый на основе факторов угроз и позитивных возможностей	

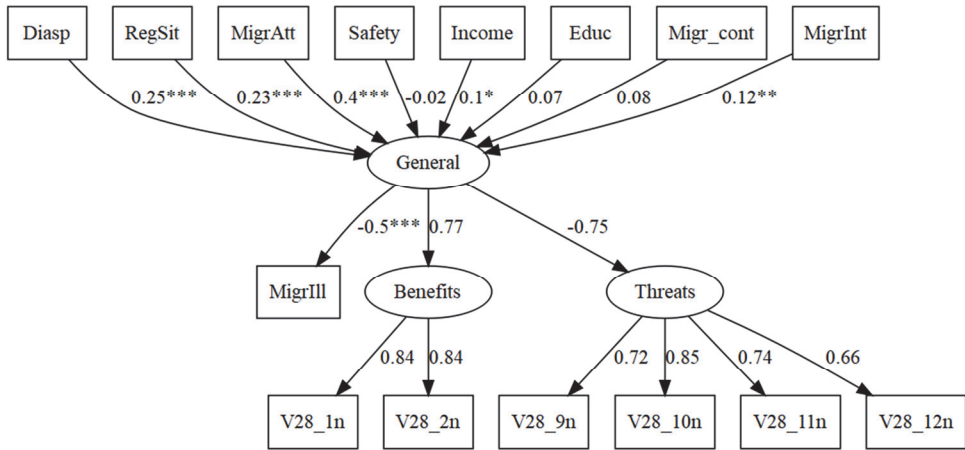

Рис. 1. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Алтайский край)

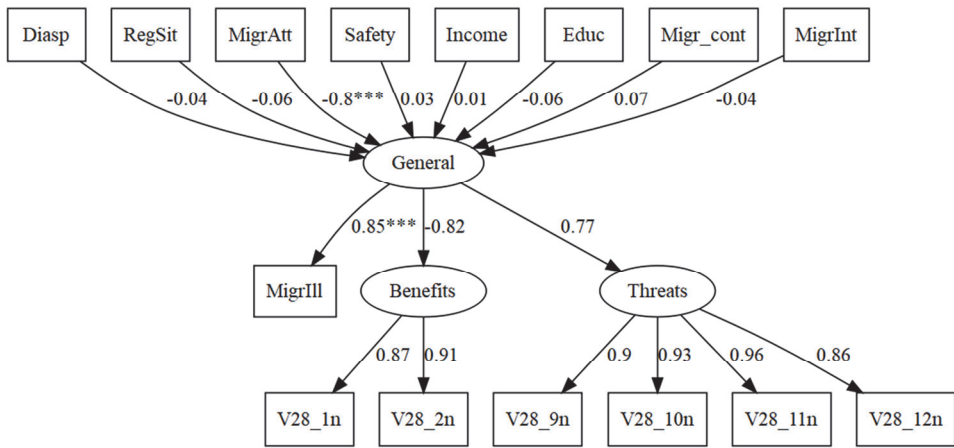

Рис. 2. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Оренбургская область)

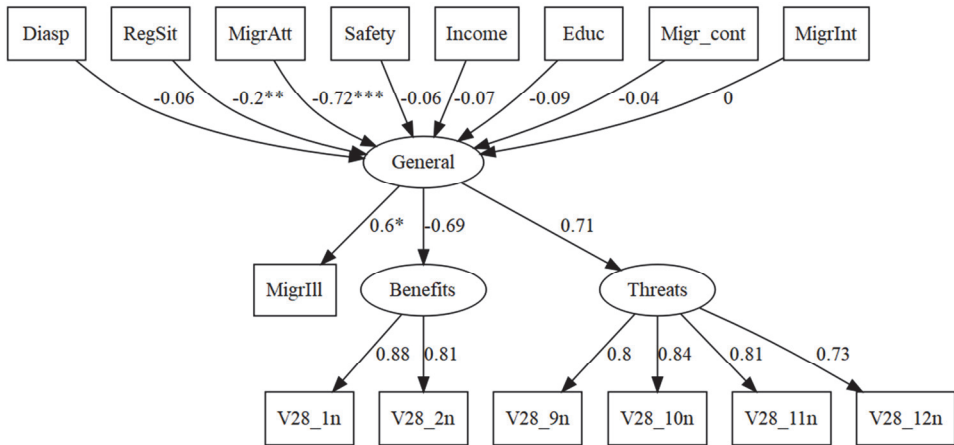

Рис. 3. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Мурманская область)

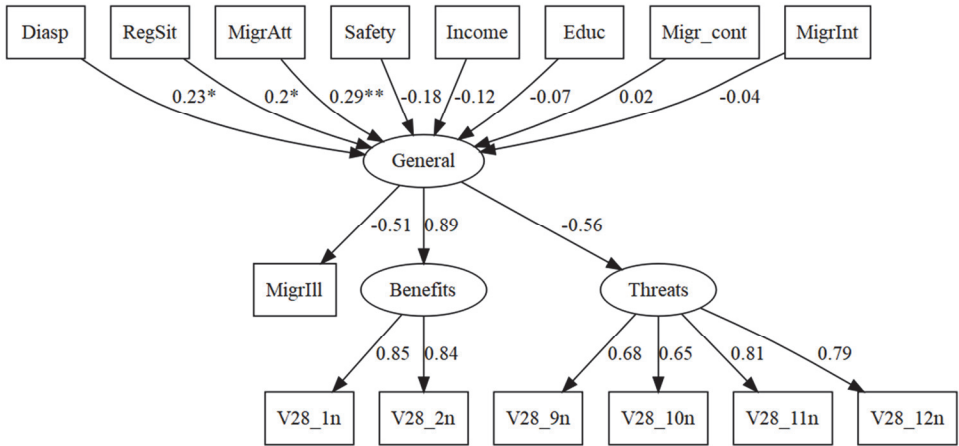

Рис. 4. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Псковская область)

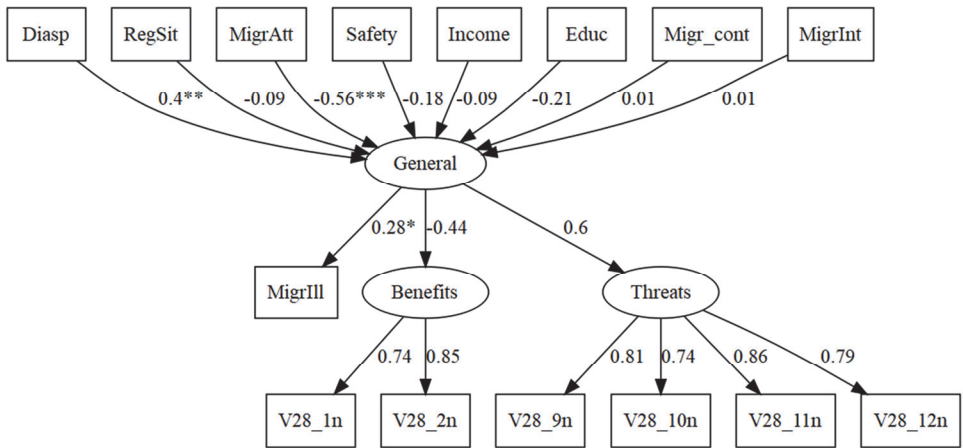

Рис. 5. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Республика Алтай)

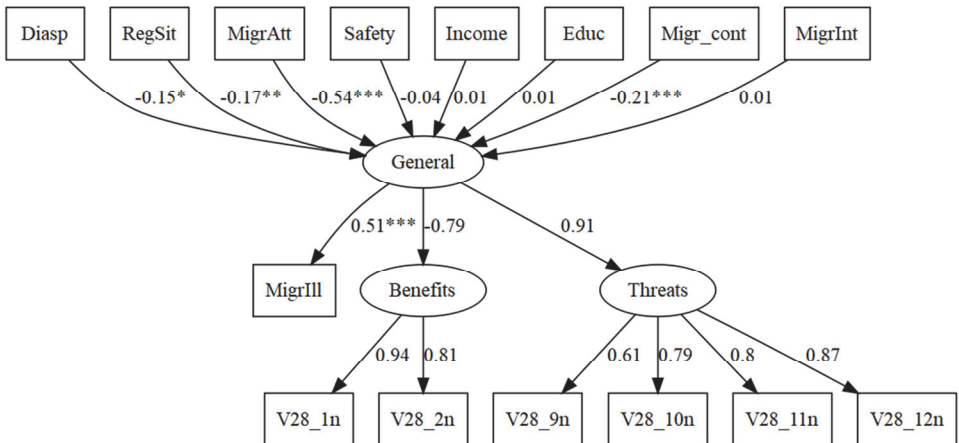

Рис. 6. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Ростовская область)

В четырех из шести регионов (кроме Оренбургской области и Республики Алтай) был выявлен статистически значимый эффект социально-экономического положения региона: чем более благоприятно оценивалась ситуация по сравнению с другими регионами (регион был оценен как благополучный только 30,8% проживающих в Алтайском крае и 56,4% — в Мурманской, 43,3% — Псковской, 75,8% — Ростовской областях), тем более важными представлялись возможности миграции, и, наоборот, если положение в регионе оценивалось как неблагоприятное, депрессивное, то и международная миграция воспринималась преимущественно с позиций угроз и негативных стереотипов. Примечательно, что фактор личного финансового благополучия, практически не коррелирующий с региональными оценками, оказывал значимое воздействие на установки населения только в Алтайском крае, но и там его эффект был близок к нулевому. Незначимым оказался и фактор личной безопасности, т.е. оценки миграционной ситуации фактически не соотносятся с личными диспозициями и возможностями, миграция оценивалась как абстрактное явление, не оказывающее влияние на реальное экономическое и социокультурное благополучие респондента.

Общая оценка миграции не зависела и от образовательного уровня. Тем не менее, сравнение отдельных шкал показало, что среди лиц с высшим образованием или имеющих ученые степени большую поддержку имели прогрессивные представления о миграции как инструменте экономического развития и культурных изменений, и, напротив, оказались менее распространены стереотипы, что мигранты завозят новые болезни и способствуют распространению заболеваемости среди населения.

Моделирование также подтвердило важность идентификационных процессов для оценки миграционной ситуации. Принадлежность к этническим диаспорам стала значимым фактором, определяющим положительные установки населения, особенно в Республике Алтай, где ее эффект был максимальным, что можно объяснить особенностями географического положения региона и компактным проживанием этнических групп. С другой стороны, прежде всего, русское население было в большей степени обеспокоено социальными, культурными, экономическими изменениями в регионе вследствие смены миграционных потоков и формирования новых поколений мигрантов, гораздо в меньшей степени лингвистически и культурно связанных с Россией и ее общим для постсоветского пространства культурным кодом.

Помимо уровня семейных доходов, особенности, значимые для отдельных регионов, были выявлены для факторов миграционных намерений и контактов, наличие которых способствовало позитивному восприятию международной миграции. Первый фактор был значим только в Алтайском крае, его направленность очевидна — желающие уехать из региона, а таких было 31,4% (в том числе 58,4% — среди молодежи до 29 лет и 68,4% среди оценивших ситуацию в крае как неблагоприятную), подчеркивали положительные аспекты международной миграции, тогда как не желающие покинуть регион (87,9% респондентов старше 50 лет, 74,4% — 30—49 лет, 83,8% тех, кто считал край благоприятным для проживания), были склонны к пессимистическим оценкам.

Гипотеза контакта нашла подтверждение только в Ростовской области, где в 2017 году наблюдался максимальный приток международных мигрантов (за 2013—2017 годы население Ростовской области увеличивалось за счет международной миграции в среднем на 6,5 тысяч человек ежегодно, тогда как в Алтайском крае — только на 3,3, в Оренбургской — на 2,8, в Мурманской — на 1,3, в Псковской — на 1,2, в Республике Алтай — на 170 человек). Таким образом, сам по себе опыт личного взаимодействия не достаточен для формирования устойчивых положительных установок по отношению к миграции, важную роль имеет системный характер и интенсивность межкультурной коммуникации, зависящие от общей миграционной ситуации в регионе.

Во всех регионах, кроме Псковской области, подтвердилось влияние фактора общей оценки на поддержку стратегий миграционной политики в отношении нелегальных мигрантов из СНГ: позитивное восприятие миграции ассоциировалось с поддержкой мер, направленных на стимулирование миграционного притока и ускорение интеграционных процедур, декриминализацию нелегальных мигрантов, их вывод «из тени», тогда как восприятие миграции только с позиций угроз национальной и общественной безопасности ассоциировалось с репрессивной миграционной политикой, направленной на установление административных барьеров и ограничение легитимных способов изменения статуса мигранта. Эффект данного фактора был максимальным в Оренбургской области и минимальным — в Республике Алтай.

Современная миграционная ситуация в России, с одной стороны, является частью общемировой миграционной сцены, отражающей направления, структуру и основные паттерны международной миграции (гендерные, возрастные, этнические, профессиональные и др.), с другой — имеет уникальные черты, обусловленные историческим прошлым, актуальными демографическими и экономическими вызовами. Ставка на экономический рост и развитие человеческого капитала, призванные минимизировать демографические издержки, связанные со старением населения, и обеспечить улучшение качества жизни, требует взвешенной миграционной политики, в которой ключевую роль играют сильные государственные институты, способные управлять миграционными процессами и превратить международную миграцию из сдерживающего фактора в драйвер социально-экономического развития. Успех миграционной политики на местах во многом зависит от социальных норм и ценностей, определяющих характер взаимоотношений между принимающим населением и приезжими. Особенности восприятия населением мигрантов могут в значительной степени трансформировать принимаемые государством меры по управлению миграцией, усиливая или, напротив, ослабляя.

Социологические опросы показали, что международная миграция воспринимается жителями российского приграничья как привычное и повседневное явление, не связанное с радикальным увеличением культурного разнообразия, но, тем не менее, способное нарушить этнокультурный баланс, создать предпосылки для размывания общероссийской культуры. Население приграничных регионов рас-

смачивает международную миграцию с позиций предложения дешевой рабочей силы, что в условиях ухудшения социально-экономической ситуации и распространности негативных стереотипов о мигрантах может стать источником конфликтов между старожильческим населением и приезжими. Снижению напряженности способствуют присущие большинству граждан ценностные требования справедливого и гуманного отношения ко всем жителям России, независимо от их миграционного статуса.

Структурное моделирование позволило эмпирически подтвердить наличие общего фактора оценки международной миграции, определяющего оценки по частным показателям экономических, социальных и культурных эффектов. Его выраженность и детерминация неоднородны и имеют ярко выраженную региональную специфику, отражающую особенности миграционной ситуации и характеристики институциональной среды. Практически во всех регионах на общее восприятие миграции значимое влияние оказывали результаты субъективного сравнения региона с «остальной Россией» и наличие диаспоральных идентичностей, в то время как ощущение личной безопасности или культурные факторы проявлялись только на уровне единичных индикаторов. Уникальными детерминантами, значимыми в отдельных регионах, стали самооценка материального положения, миграционные намерения и наличие личного опыта взаимодействия с мигрантами. Именно фактор общей оценки определяет поддержку населением определенных стратегий миграционной политики в отношении нелегальных мигрантов — положительное восприятие миграции сопряжено с осознанием необходимости декриминализации миграции и оказания мигрантам помощи по адаптации к жизни в России, тогда как акцент на вызовах и угрозах ассоциируется с поддержкой репрессивных мер и ограничением миграционных потоков. Структуры взаимосвязей между факторами и их детерминантами свидетельствуют о наличии механизма трансляции политической повестки дня в отношении миграции в соответствующие общественные настроения, общие для регионов России, а значит возможна типологизация региональных моделей и выделение общих моделей для регионов со сходными характеристиками.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/ПЧ (2017—2019).

Библиографический список / References

- [1] *Варшавер Е.А.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 / Varshaver E.A. Teoriya kontakta: obzor [Contact theory: A review]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Pereмены*. 2015; 5 (In Russ.).
- [2] *Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М., 2018 / Demintseva E.B., Mkrтчyan N.V., Florinskaya Yu.F. *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration Policy: Diagnostics, Challenges, Suggestions]. Moscow; 2018 (In Russ.).

- [3] Доход от продажи патентов трудовым мигрантам составил 51 миллиард рублей / Dokhod ot prodazhi patentov trudovym migrantam sostavil 51 milliard rubley [The revenue from the sale of work patents to migrants is 51 milliard Rubles]. <https://finance.rambler.ru/economics/39687453-dohod-ot-prodazhi-patentov-trudovym-migrantam-v-rf-v-2017-godu-sostavil-51-mlrd-rublej/?updated> (In Russ.).
- [4] Дробизжева Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. 2016. № 14 / Drobizheva L.M. Variatsii adaptatsionnogo potentsiala naseleniya k rastushchemu etnicheskomu mnogoobraziyu [Variations of the population's potential for adapting to the increasing ethnic diversity]. *Rossiya Reformiruyushchayasya*. 2016; 14 (In Russ.).
- [5] Информация о социально-экономическом положении России. Январь—ноябрь 2018 года / Informatsiya o sotsialno-ekonomicheskom polozhenii Rossii. Yanvar—noyabr 2018 goda [Information on the social-economic situation in the Russian Federation. January—November 2018]. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/info/oper-11-2018.pdf (In Russ.).
- [6] Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Международная миграция и безопасность российских регионов: статистический анализ и опыт построения типологии // Society and Security Insights. 2018. № 1 / Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.E. Mezhdunarodnaya migratsiya i bezopasnost rossiyskikh regionov: statistichesky analiz i opyt postroeniya tipologii [International migration and security in Russian regions: Statistical analysis and an example of typology]. *Society and Security Insights*. 2018; 1 (In Russ.).
- [7] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь—ноябрь 2018 года / Svodka osnovnykh pokazatelei deyatelnosti po migratsionnoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii za yanvar—noyabr 2018 goda [Summary of key indicators of migration situation in the Russian Federation. January—November 2018]. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15252649> (In Russ.).
- [8] Число женившихся «для гражданства» приезжих выросло в 51 раз / Chislo zhenyashchikhsya “dlya grazhdanstva” priezzhikh vyroslo v 51 raz [The number of migrants married for citizenship has multiplied 51-fold]. <https://www.pravda.ru/news/districts/1327527-citizenship> (In Russ.).
- [9] Щербакова Е. Миграция в России, итоги первого полугодия 2018 года / Shcherbakova E. Migratsiya v Rossii, itogi pervogo polugodiya 2018 goda [Migration in Russia, results of the first half of 2018]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0783/barom05.php> (In Russ.).
- [10] Arlt D., Wolling J. Bias wanted! Examining people's information exposure, quality expectations and bias perceptions in the context of the refugees' debate among different segments of the German population. *Communications*. 2018; 43 (1).
- [11] Binder J., Zagefka H., Brown R., Funke F., Kessler T., Mummendey A., Leyens J.-P. Does contact reduce prejudice or does prejudice reduce contact? A longitudinal test of the contact hypothesis among majority and minority groups in three European countries. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009; 96 (4).
- [12] Bollen K.A. Structural equation models. *Encyclopedia of Biostatistics*. 2005; 7.
- [13] Byrne D. An overview (and underview) of research and theory within the attraction paradigm. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1997; 14 (3).
- [14] Chen F.F. Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling*. 2007; 14 (3).
- [15] Cristobal E., Flavián C., Guinalú M. Perceived e-service quality (PeSQ). *Managing Service Quality*. 2007; 17 (3).
- [16] Dimitrov D.M. Testing for factorial invariance in the context of construct validation. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2010; 43 (2).
- [17] Dixon J., Durrheim K. Contact and the ecology of racial division: Some varieties of informal segregation. *British Journal of Social Psychology*. 2003; 42 (1).
- [18] Dovidio J.F., Gaertner S.L., Saguy T. Commonality and the complexity of “we”: Social attitudes and social change. *Personality and Social Psychology Review*. 2009; 13 (1).

- [19] Esses V.M., Brochu P.M., Dickson K.R. Economic costs, economic benefits, and attitudes toward immigrants and immigration. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2011; 12 (1).
- [20] Esses V.M., Dovidio J.F., Jackson L.M., Armstrong T.L. The immigration dilemma: The role of perceived group competition, ethnic prejudice, and national identity. *Journal of Social Issues*. 2001; 57 (3).
- [21] Guerra R., Gaertner S.L., António R., Deegan M. Do we need them? When immigrant communities are perceived as indispensable to national identity or functioning of the host society. *European Journal of Social Psychology*. 2015; 45 (7).
- [22] Hirschfeld G., Von Brachel R. Multiple-Group confirmatory factor analysis in R-A tutorial in measurement invariance with continuous and ordinal indicators. *Practical Assessment, Research & Evaluation*. 2014; 19 (7).
- [23] Hooper D., Coughlan J., Mullen M. Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit. *Journal of Business Research Methods*. 2008; 6 (1).
- [24] International Organization for Migration. World Migration Report. <http://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018>.
- [25] Jorgensen T.D., Pornprasertmanit S., Schoemann A., Rosseel Y., Miller P., Quick C., Coffman D. Package 'semTools'. 2018. <http://ftp5.gwdg.de/pub/misc/cran/web/packages/semTools/semTools.pdf>.
- [26] Kline R.B. *Principles and Practice of Structural Equation Modeling*. Guilford Publications; 2015.
- [27] Louis W.R., Esses V.M., Lalonde R.N. National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada. *Journal of Applied Social Psychology*. 2013; 43.
- [28] Meade A.W., Johnson E.C., Braddy P.W. The utility of alternative fit indices in tests of measurement invariance. *Academy of Management Proceedings*. 2006; 1.
- [29] Meredith W. Measurement invariance, factor analysis and factorial invariance. *Psychometrika*. 1993; 58 (4).
- [30] Millsap R.E. *Statistical Approaches to Measurement Invariance*. Routledge; 2012.
- [31] Motyl M., Iyer R., Oishi S., Trawalter S., Nosek B.A. How ideological migration geographically segregates groups. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2014; 51.
- [32] Schwartz S.J., Vignoles V.L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism. *Oxford Handbook of Multicultural Identity*. Oxford University Press; 2014.
- [33] Steinmetz H., Schmidt P., Tina-Booh A., Wiczorek S., Schwartz S.H. Testing measurement invariance using multigroup CFA: Differences between educational groups in human values measurement. *Quality & Quantity*. 2008; 43 (4).
- [34] Stephan C.W., Stephan W.C., Demitrakakis K.M., Yamada A.M., Clason D.L. Women's attitudes toward men. An Integrated Threat Theory approach. *Psychology of Women Quarterly*. 2000; 24 (1).
- [35] Stephan W.G., Renfro C.L. The role of threats in intergroup relation. *From Prejudice to Intergroup Emotions*. Psychology Press; 2002.
- [36] Tartakovsky E., Walsh S.D. Testing a new theoretical model for attitudes toward immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015; 47 (1).
- [37] Hanefi Topal M., Ózer U., Dokuzlu E. Public perception of Syrian refugees in Turkey: An empirical explanation using extended integrative threat theory. *Problemy Polityki Społecznej. Studia i Dyskusje*. 2017; 38 (3).
- [38] Van Oudenhoven J.P., Ward C., Masgoret A.-M. Patterns of relations between immigrants and host societies. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006; 30 (6).
- [39] Ward C., Masgoret A.M. *The Experiences of International Students in New Zealand. Report on the Results of a National Survey*. Wellington; 2004.
- [40] World Bank. Migration and Remittances Data. <http://www.worldbank.org/en/topic/migration/remittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.
- [41] Wu A.D., Li Z., Zumbo B.D. Decoding the meaning of factorial invariance and updating the practice of multi-group confirmatory factor analysis: A demonstration with TIMSS data. *Practical Assessment, Research and Evaluation*. 2007; 12 (3).
- [42] Xu K. *Multiple Group Measurement: Invariance Analysis in Lavaan*. Cambridge Mass; 2012.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-737-755

International migration in border regions of Russia: Structural modeling of public attitudes*

S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E. Noyanzina

Altai State University

Lenina Prosp., 61, Barnaul, Russia, 656049

(e-mail: svet-maximova@yandex.ru; daria.omelchenko@mail.ru;
noe@list.ru)

Abstract. Changes in migration patterns and structure of international migration in Russia, its shift towards more transit forms in the interests of labor market and local conditions, together with serious economic and demographic losses, determine the need to change the migration policies. Such policies, if they focus on migrants without taking into account the public opinion of the host population, cannot ensure the balance of interests and stability in the region or realization of benefits of international migration. It is the choice of the host population that determines acculturation strategies and success of adaptation and integration of migrants. Based on the data of the sociological research conducted in 2018 in the border regions of Russia, the authors claim the existence of general evaluative factor of public attitudes and present the structural model of its determination consisting of institutional characteristics of regional society and social-structural and identification characteristics of respondents. According to the results of the research, the population of border regions believe that migration does not have any positive impact on the Russian economy and cannot compensate demographic losses, and underestimate risks of discrimination and social exclusion of labor migrants. In the majority of regions studied, the general perception of migration is affected by diasporal identities and comparison of the region with ‘the rest of Russia’. The subjective assessment of personal security, financial situation, migration experience and cultural factors are important for variability of indicators or regions. The study highlights the importance of fight against ethnic prejudices and migran-topobia and of positive public opinion for the effective migration policy reflecting national interests in terms of attracting foreign human and cultural capital.

Key words: international migration; transit migration; public attitudes; migration situation; border regions; modeling; confirmatory factor analysis

Funding

The research was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the project part of the state task “Transit migration, transit regions, and migration policy of Russia: Security and Eurasian integration” No. 28.2757.2017/ПЧ (2017—2019).

* © S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E. Noyanzina, 2019.

The article was submitted on 13.03.2019. The article was accepted on 28.06.2019.